

KATARZYNA JASTRZĘBSKA
Uniwersytet Jagielloński

«ГДЕ ЕСТЬ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?» РАЗГОВОР С РОМАНОМ СЕНЧИНЫМ

К.Я.: Роман Валерьевич, как Вы думаете, почему в последнее время и в русской литературе, и в литературной критике появилось столько публицистики?

Р.С.: Наверное, события, происходящие в стране, да и в мире, требуют более быстрой реакции, и многие эту быстроту находят в публицистике. Кстати, когда в критике появляется публицистика, меня это радует. Я думаю, что современная литературная критика должна быть сплавом социологии и публицистики — то есть, литературу нужно рассматривать именно в связи со многими другими общественными процессами. Когда ведется разговор о литературном произведении, его просто оценивают, говорят о его эстетических достоинствах или недостатках — для меня это мало. И вот наши крупнейшие русские критики — Белинский, Писарев, Чернышевский — в общем-то, отгалкивались от публицистического высказывания. Писарев вообще часто брал книгу как повод и писал большие статьи. То есть, отгалкиваясь от книги, писал в общем-то о жизни. Поднимал вопрос учебы, социальных проблем. Позднейшие наши критики — Игорь Дедков, Игорь Золотусский, Ирина Роднянская — не были такими узко специализирующимися литературными критиками. Это сейчас в критике приветствуется, потому что критика начала опять, после подъема нулевых годов, присыпаться. В начале XXI века появилось много молодых критиков, у критиков со стажем появилось второе дыхание, но сейчас критика снова как-то снизила свой голос. Для писателей уход в публицистику — явление старое: и Федор Достоевский, и Лев Толстой и многие другие уходили в публицистику. Для Чехова таким способом высказывания были письма — в них он поднимал все эти вопросы — был и ли-

тературным критиком, и публицистом, в его письмах отдельные страницы посвящены обществу. Главное — в этом не увязнуть и не потерять художественный дар, который можно вполне растратить в публицистических высказываниях. Но, с другой стороны, все зависит от человека, от его темперамента, от его задач.

К.Я.: Многие определяют вашу прозу как: «оправдание реалистического поворота в русской литературе». Каковы, по Вашему мнению, основные признаки, критерии так называемого нового реализма? Вы согласны, что он вообще есть?

Р.С.: Когда я начинал писать, нет, точнее: публиковаться, то реализм в России был в загоне. А еще оставалось такое мнение, что реализм — это соцреализм, а в середине 90-ых всячески с этим боролись эстетически как с наследием советской идеологии. А настоящих реалистов было очень мало. Люди уходили в фантазмагорию, утопии, антиутопии, фантастику, реализм со смещениями, как например, Владимир Орлов, к сожалению уже покойный, — у него такие произведения были... Пелевин в то время писал свои лучшие вещи, но это реализм со смещениями, с уходами в фантазмагорию, гротеск. Но в какой-то момент не только писатели, но и редакторы журналов поняли, что все-таки без реализма не обойтись. Тогда в «Новом мире» стали печатать Бориса Екимова — он теперь пожилой, но продолжает хорошо работать, вышла у него повесть *Осень в Задонье*. А в то время еще требовались уведомления главного редактора «Нового мира» Сергея Залыгина, что такие произведения нужны, что это документ времени, потому что, так сказать, читатель уже начинал отвыкать от реализма настоящего. И хотя меня стали печатать в журнале «Знамя», т.е. в ведущем журнале, и в других изданиях периодических, но это все равно было еще тогда явление единичное, это были единичные авторы. А пришло новое поколение — Сергей Шаргунов, Денис Гуцко, Дмитрий Новиков, Илья Кочергин — которые пришли со своими реалистическими высказываниями в литературу. Позже пришел Захар Прилепин, который стал сейчас ярчайшей звездой нашего литературного поколения. Реализм вернулся. Термин «новый реализм» витал в воздухе еще в 90-ые годы: Павел Басинский, критик, писал о новом реализме, Сергей Казначеев тоже употреблял этот термин, но мы с Сергеем Шаргуновым как-то, не стовариваясь, именно так определили наш приход в литературу, — «новый реализм». Критики подхватили, стали между собой ругаться, то ли

ГДЕ ЕСТЬ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?...

это «новый» реализм, то ли «неновый», есть ли вообще новый реализм, а нам такое обсуждение было только на руку. Против термина «новый реализм» я ничего не имею, хотя никакой такой группы писателей типа Серапионовых братьев никогда не было, чтобы мы собирались и обсуждали: что нам писать, как писать. Судьба как-то свела нас, многих из нас, вместе на некоторое время, но литературный вопрос мы не обсуждали. Но хорошо, что мы познакомились и образовалась такая общность. Сергей Шаргунов даже назвал это «разобщенная общность».

Сейчас у каждого из нас свой путь, тем не менее, я, например, слежу за многими своими сверстниками, радуюсь, когда у них получается, огорчаюсь, когда мне не нравится.

К.Я.: А что Вам не нравится?

Р.С.: Отдельные произведения, конечно, бывает, что разочаровывают.

К.Я.: А среди написанных вами вещей есть такие, которые вас сегодня разочаровывают?

Р.С.: Некоторые из вещей, которые я писал в 90-ые и перечитываю сейчас, я бы, конечно, уже написал по-другому или не написал бы, но это была бы уже художественная и человеческая неправда. То, что я зафиксировал тогда — настроение героев девяностых годов — я себе это ставлю в заслугу: я это уловил, записал, и то, что это опубликовали, издали и иногда переиздают — я очень рад этому.

К.Я.: А какие произведения русской литературы XX и XXI века можно считать важнейшими иллюстрациями русской провинции? Например, Анатолий Ким дает положительный образ русской провинции, но, согласно его представлениям, все зависит от людей: если вокруг тебя люди хорошие, то даже если ты живешь худо-бедно, жизнь твоя неплохая. А у Вас получается по-другому.

Р.С.: Я бы назвал многие произведения Чехова, которые показывают провинциальные томления, некоторые — даже скуку, суровость. Это самое начало XX века, хотя практически все осталось во многих местах именно так. Повесть *Уездное* Замятина, у Алексея Толстого есть прекрасный рассказ про железнодорожного смотрителя, который на станции живет, там показано томление человека, его одиночество... *Мелкий бес* Сологуба — страшная книга, конечно, о провинции. Из 60-ых годов XX века их много — Шукшин, Распутин, упомянутый уже Борис Екимов

(он начал еще в 60-ые годы писать), ранний Александр Проханов — он тоже писал много о провинции. Михаил Тарковский, племянник Андрея Тарковского — он еще в советское время уехал на Енисей, там живет, пишет про охотников, про природу. Это очень сильные вещи, как и у Виктора Ремизова — *Воля вольная*. Далее — Денис Гуцко, Дмитрий Новиков из Петрозаводска, Ирина Мамаева (тоже из Петрозаводска), Антон Тихолос из Волгограда — две его повести выходили в «Новом мире». Анна Андропова из Нижнего Новгорода — она сама врач и пишет, как живется врачу в такой повседневной жизни. У нее это очень хорошо получается, настоящая проза.

Вспоминать можно долго, перебирать в голове...

К.Я.: Вам *Елтышевы* уже надоели? В смысле, вопросы, связанные с этим романом?

Р.С.: Но, наверно... (смех).

К.Я.: А у меня, если Вы не против, два вопроса, связанных с этой книгой. По поводу *Елтышевых* русская литературная критика начала ломать копыя, почти каждый хотел высказаться о романе. Как Вы думаете, почему произведение вызвало настолько живую реакцию?

Р.С.: Для меня самого это удивительно. Хотя, конечно, как и все, когда пишу, я думаю, что пишу самое лучшее, самое сильное. Но такой резонанс широкий, до сих пор продолжающийся, для меня стал неожиданностью.

Наверно, потому, что Россия в основе своей — крестьянская страна, а сейчас свыше 80% живет в городах. Но практически у всех корни деревенские, и люди, наверно, увидели, во что деревня превратилась. И посыпались такие вот отклики. Я бы не сказал, что роман очень сильно хвалили, а просто было обсуждение, дискуссии, между собой критики спорили. Многие признавали, что книга сильная (мне сложно судить об этом), но при этом предъявляли к ней много претензий, с которыми я во многом согласен. Например, что там такая жестокость, такая беспросветность показаны. Мне говорили, что многие надеялись на деревню как на спасательный круг, что можно туда вернуться, обрести покой, радость жизни.

К.Я.: Значит, упрекали Вас в том, что Вы у них отняли надежду?

Р.С.: Да, многие вот так мне и говорили.

К.Я.: Знаете, что удивляет? Когда Павел Басинский, представляя книгу *Елтышевы*, говорит, что читатель начинает со-

ГДЕ ЕСТЬ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?...

страдать герою — человеку, который старается каким-то образом спасти свою семью. А у меня появляется вопрос: можно ли сострадать человеку, совершившему не одно убийство, в том числе, убивший тетку, бывшую спасательным кругом его семьи...

Р.С.: Для меня тоже загадка, почему жена не побежала в милицию, но, с другой стороны, она боялась остаться без мужа, поддержки, остаться один на один со всем.

К.Я.: А жить с таким человеком не страшно?

Р.С.: Но в жизни такое бывает очень часто, наверно, во всем мире бывают такие случаи.

К.Я.: Значит, вы настоящий пессимист...

Р.С.: Нет, но сам поток информации показывает, что такие случаи — частое явление.

К.Я.: Басинский рассказывает о герое, отце семьи — Николае Михайловиче, о том, что он старается построить дом, борется за семью, итд., как бы не замечая, что Елтышева характеризует ужасающее отсутствие иерархии ценностей.

Р.С.: Я понимаю. В этом-то и заключается проблема этой книги. Но ведь сама судьба его покарала. Видно, что он сильно переживал, мучился перед смертью — нельзя сказать, что он такой хладнокровный убийца. Помните, когда он копает морковь, хруст напоминает ему кости соседа. Если он был бы совершенно бездушным человеком, он продолжал бы копать и вытаскивать морковь. Он тоже потерпел поражение, потерял младшего сына... Мне трудно судить и оценивать. Анализировать можно долго, но это, наверно, не мое дело.

К.Я.: Я заметила, что у Вас нечасто, но все же появляется мотив разрушения церкви — и в *Елтышевых*, и в других произведениях. Это важная составная образа русской современности?

Р.С.: В Москве много церквей, а в Сибири почти все церкви были уничтожены. У нас в Минусинске было семь церквей — осталась одна. Отстояли, так как пошел слух, что в ней венчался Ленин. Он был в ссылке недалеко, и хотя потом по документам обнаружили, что он венчался в другом месте, но этот «довод» сработал, и эту церковь оставили. А так или иначе, церкви, и не только церкви, но и религиозные центры, куда человек может прийти — это очень важно. А почти все села у нас остаются без церквей. Это мотив бытия неполноценного. Кстати, я к верующим не отношусь. Когда теперь происходит воцерковление мно-

гих людей, мне это кажется не совсем нормальным и искренним. Тем не менее, если мы потеряли социализм как путь к коммунизму, что-то нужно взамен его, и религия дает людям защиту, хотя бы покаяние и какую-то надежду.

К.Я.: В одном из интервью Вы сказали, что проза делится для Вас на изящную словесность и документ. Назовите, пожалуйста, самые важные для вас как писателя произведения как русской, так и мировой литературы.

Р.С.: Изящную словесность я скорее отношу к минусам — это игра стилем, стилистические изыски. Где-то я писал: есть литература и есть искусство... Но, конечно, есть произведения, которые входят в организм искусства. Много стихотворений в прозе, например, *Герой нашего времени* и *Мастер и Маргарита*, которые все более и более становятся сейчас вредной книгой...

К.Я.: А почему?

Р.С.: Упадничество, призыв к смерти, критика государства, сатанизм.

К.Я.: ?!

Р.С.: Но у нас в России, в принципе, все активнее дают такую оценку *Мастеру и Маргарите*.

К.Я.: А кто именно дает?

Р.С.: Общественность, патриоты, в том числе и критики.

К.Я.: А ваши любимые произведения мировой литературы? Ваша личная иерархия?

Р.С.: Но я думаю, что, конечно, Ремарка нужно читать, *Войну миров* Герберта Уэллса — это потрясающее произведение. Там представлена нелепость ситуации так правдиво, что я очень часто перечитываю. Там все, до последней детальки, так реалистично. Настоящая фантастика — когда ты во все веришь, но это не может произойти. *Сто лет одиночества* нужно, конечно, прочитать, *Старик и море* Хемингуэя — это вообще произведение, очень русское по духу. Он привез только скелет, и все равно он оказался победителем. Фолкнера надо читать. Он тяжелый писатель, но огромный. Многие романы Золя. Такая вот у меня плеяда. И еще Жан Поль-Сартр, Генри Миллер, Альбер Камю, Кнут Гамсун; когда то я любил прежде всего *Голод*, а теперь *Соки земли* (норв. *Markens Grøde* — К.Я.). Может быть, *Елтышевы* у меня где-то с другой стороны взятое, может быть, даже спор с этим произведением. Хотя я так не думал, конечно, когда писал, но так получается...

ГДЕ ЕСТЬ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?...

К.Я.: Во время нашей сегодняшней встречи с Вами¹ у меня появилось такое впечатление, что Вы не на все вопросы хотите отвечать. Когда, например, я спросила у вас о межлических отношениях, о семье, так, а не иначе показанных в ваших произведениях. Вы именно так смотрите на мир? Беспросветно?

(Тишина)

К.Я.: Это не только мое мнение — достаточно посмотреть на заголовки статей, в которых анализируется Ваше творчество. Пишут, что там одна смерть, убийства, пессимизм, депрессия...

Р.С.: Наверно, это для того, чтобы люди прочитали и сознательно жили...

К.Я.: Вы думаете, что литература может что-то изменить в жизни человека?

Р.С.: Наверно, это тайна, но надеюсь, что у него сочувствия станет побольше... Даже у людей, которые негодуют по поводу моих книг... Чехова тоже в свое время сильно ругали, что у него ничего не происходит, люди живут, проживают жизнь как-то напрасно... Если бы я не хотел чего-то сказать, я и не писал бы...

К.Я.: Отсюда и мой предпоследний вопрос: писатель в России — все время «больше, чем писатель», или что-то изменилось?

Р.С.: Я думаю, что писатель всегда должен стараться быть больше, чем писателем. Нужно стремиться к тому, чтобы быть больше, чем поэтом, и больше, чем писателем...

К.Я.: Наставником?

Р.С.: Нет, если человек прямо учительствует, то это последнее дело. Хотя, и это нужно. Дикенса, особенно концовки его романов, можно читать как интересное, даже неловкое учительство, но, думаю, он спас этим много людей... Тем, что так в лоб им говорил. Может быть, и стоит так делать, и Толстой этим грешил...

К.Я.: А какие вопросы вас раздражают как писателя?

Р.С.: Нет, ничего не раздражает. Но, может быть, когда спрашивают, почему нет света в конце тоннеля (смех). Но начинаю перебирать в голове мировую литературу и смотреть, где есть свет в конце тоннеля, и таких произведений очень мало...

К.Я.: А Михаил Шишкин?

¹ Речь идет о встрече со студентами и преподавателями Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета, состоявшейся 28 мая 2015 года.

Р.С.: Шишкин для меня не особый показатель. Он мне не близок.

К.Я.: Да, вы — два полюса, но, говорят, что самые сильные романы в последнее время — это именно романы Шишкина и Сенчина.

Р.С.: Да, может быть, мы разные полюса...